

ABAEVA Liubov' Lubsanovna, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Chief Researcher of the Department of Philosophy, Cultural Anthropology and Religious Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; luba-abaeva@mail.ru)

DYNAMICS AS OF THE ETHNICITY AS OF THE ETHNO-CULTURAL COMPETENCE OF THE MONGOLIANS IN THE CONTEXT OF THE MODERN BUDDHIST IDEAS AND PRACTICES

Abstract. Buddhist symbols from the time, when Buddhism was spread among the Mongolian people, penetrated and changed the main components of their traditional religious culture and the fundamentals of the ordinary mentality of the nomads. Buddhist symbols represented for a definite period as translators and interpreters the Buddhist popular ideas and rituals. One must underline there, that at the very beginning, each religious and local tradition of the different Mongolian clans and tribes, in synchronically and diachronically aspects, tried to transform and adapt those Buddhist symbols according to their earlier traditional religious symbols, as a whole, without breaking syntaxes, neither semantics, nor pragmatics of these complicated Buddhist semiotic systems. No doubt, the ethnical identity and cultural competent sphere of the Mongolians lie upon the context of their nomadic lifestyle with all the complex system of their worldview, knowledge, imaginations, skills and traditions of different valuable and spiritual orientations. However, the dynamics of their ethnic orientation and cultural identity in the modern time show the fact that their religious culture deals mainly with Buddhism.

Keywords: dynamics, ethnicity, ethnical religious/traditional system, cultural competence sphere, Buddhism, Modern time

НАСОНОВА Людмила Ивановна – доктор философских наук, профессор; профессор Московской академии Следственного комитета РФ (125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, 12; lynx.nasonova@yandex.ru)

ЭВОЛЮЦИЯ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ ПРИВАТНОСТИ И ПУБЛИЧНОСТИ

Аннотация. Основная тема статьи – рассмотрение приватности не как исключительно правовой, но как общесоциальной категории, содержание которой имеет множество аспектов, в т.ч. соотношение с собственной социальной оппозицией – публичностью. Данное соотношение представляется той сферой, где происходит эволюция как приватности, так и публичности, проявляющаяся в ряде феноменов. Важнейшим представляется взаимопроникновение обеих ипостасей человеческого бытия, причем особый интерес вызывают их современные формы на фоне изменений всех сфер общественного производства в связи с глубоким проникновением в них информационных технологий. Последние, во-первых, иницируют радикальные изменения частных, личностных интенций и, во-вторых, придают деятельности публичных институтов управления новый, нелинейный и вероятностный характер.

Ключевые слова: эволюция приватности, взаимосвязь и взаимопроникновение частного и публичного, депривация(тизация)

Содержание понятий приватности и публичности задавалось постоянно меняющимся в истории соотношением меры активности общества в целом и его институтов, с одной стороны, и меры возможности свободы деятельности отдельного, частного человека в его индивидуальности. Именно феномены

приватности и публичности не только исторически формировали индивидуальное и общественное сознание, но и постепенно выявляли и их диалектическую противоречивость. Вопрос о соотношении приватности и публичности проистекает из фундаментальной проблемы соотношения личности и общества, индивидуального и общественного. Однако первая пара понятий содержит дополнительную коннотацию, предусматривающую осознание и конструирование ощутимой границы между личным и общественным. В предшествующие столетия эта граница существовала в основном в материально-производственной сфере. Ближе к современности граница начинает просматриваться во всех сферах общественной жизни, и человечество ставит вопрос о роли личности в истории и о технических средствах, позволяющих личности противостоять обществу. Личность и общество как соотносительные системы социума институционализируются.

Сфера публичности открыта для интерпретации, содержание ее можно истолковывать как общество, сферы общественной жизни, социальную среду. Публичность представляет собой эксплицированность социальности в целом ряде исторически устойчивых институтов: она показывает нам публичность как несомненно необходимую, совершенно определенную и ясную открытость и активность социальной жизни; например, в области политики и права она служит фундаментом легитимности, в то же время она получает выражение во все более разнообразных возникающих в истории человечества институтах, таких как экономические, управленческие, религиозные, художественно-эстетические, технические. Все они для своего существования требовали открытых активных действий личности, и все они в истории имели тенденцию к расширению и усложнению внутренней структуры.

Понятие приватности, подобно понятию публичности, поначалу зародилось в правовой сфере. «Приватность – фундаментальное право человека и находится в одном ряду с правом на жизнь и свободой убеждения» [Смирнов 2002: 9]. Феномен приватности также имеет тенденцию к изменению и совершенствованию, но иными путями, а именно не путем выстраивания внешних структур, но путем дифференцирования человеческой деятельности и внутренне-духовного мира человека, совершенствования способности различения частного и публичного, рационального и иррационального, своего (имманентного) и чужого и укрепления способности защиты собственного личного бытия, своей приватности. В сфере ее развития совершенствуется автономия личности, такие ее грани, как внутренняя свобода, интимность, необходимое одиночество, собственное достоинство и собственное достоинство. «Приватность самым непосредственным образом связана с идентичностью человека и включает целый комплекс различных элементов. Право на приватность представляет собой не единичное (ординарное) право, а право сложносоставное, включающее комплекс прав, конституционно и международно гарантированных, много шире, чем только права на личную и служебную тайны, тайну частной жизни [Сербин 2016: 8]. В истории европейской культуры мы прослеживаем такие тенденции эволюции приватности, как тенденции перехода от религиозного ритуала к религиозному чувству, от соблюдения требований этикета различного уровня и социальной природы – к глубоко личным ощущениям нравственного долга, совести, ответственности, от внешне детерминированной свободы и несвободы – к внутреннему и оправданному разумом принятию ограничения личной свободы как волевому акту.

В сфере приватности происходит постоянное конструирование личного бытия, свободы выбора и реализации ответственности. Приватность и есть тот феномен, или атрибут, который и делает личность не просто индивидом,

но социальным институтом. Однако и публичность — это не просто внешняя характеристика социальности, но и в определенном аспекте характеристика личности, т.к. именно в публичной сфере происходит идентификация личности, легитимация того образа «я», который создается каждым человеком, очерчивание горизонта его самоопределения. Внешнее и внутреннее в человеке должны не только наличествовать и быть развитыми, но и быть согласованными.

Нельзя не отметить ясно выраженные черты самоопределения личности (приватизация личности как субъекта) в ту эпоху, когда она, собственно, и становится самодостаточной формой социума — в период индустриальной революции. Именно в эту эпоху Кант формулирует вопросы, которые задает человек, очерчивая границы своего бытия в мире. Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? В этих вопросах выражена осознанная возможность деятельности личности, соответственно, в научной, моральной и религиозной сферах жизни общества. Достоевский позже (с естественным российским запаздыванием) добавил к этим вопросам еще один, сакраментальный: «тварь я дрожащая или право имею?», исчерпывающе определив реальную возможность активности любого человека в правовой сфере. Итак, важнейшей характеристикой человеческой приватности мы считаем не ее отграниченность от публичной сферы, но прежде всего активность и реальное ценностное равенство интимно-приватной ипостаси человека с его социально-публичной ипостасью.

С того времени, когда социум оформляется в развитое большое общество, идет взаимодействие указанных противоположных и взаимно необходимых его форм. Личность приватизируется, осознавая частный интерес, отличный от интереса общественного. Начинается противостояние осознающей себя личности и общества с его различными инструментами самоопределения, а заодно и подавления тех, кто выражает сомнение в степени активности форм этого самоопределения. Такими инструментами можно считать систему управления вместе с репрессивным аппаратом, рынок, закон и идеологию, часто разделенную на светскую и религиозную отрасли, подчас находящиеся в сложных отношениях по поводу той или иной меры принадлежащей им власти.

Если вскользь просмотреть историю европейской культуры как историю человеческого духа, то можно усмотреть в ней нечто вроде чередования (или альтернативного существования) периодов господства публичных форм человеческой деятельности и периодов преобладания приватности — частного интереса именно как нормы жизни. Так, в Древней Греции классического периода активность в публичной сфере служила признаком достоинства человека [Арендт 2000: 51], частная жизнь неявно была объектом негативной оценки. Однако позже мы видим интерес к частной, личной духовной жизни у эпикурейцев и стоиков: в их воззрениях приватность мыслится как обитель подлинного человека, философа; публичность же представляется как отчужденная социальность, в лучшем случае — в виде непознаваемой и чуждой человеку судьбы. В период становления христианства и его выхода в сферу публичности воинствующая церковь вполне допускала и даже санкционировала отшельничество. Становление европейских систем политики и права в эпохи Возрождения и Нового времени, являвшихся регуляторами новой сферы публичности, соседствовало со складыванием философских принципов и психологии индивидуализма. В XIX и XX вв. высокий уровень внешнего социального активизма во всех сферах общественной жизни сочетается или чередуется с человеческим «подпольем», или интересом к глубинам экзистенции.

Публичность имеет тенденцию к внешнему усложнению, приватность — к внутреннему. Однако и первая, и вторая — лишь характеристики социума, представленного в любой форме человеческой деятельности. Противоположности проникают друг в друга, и со временем, ближе к современности, внешние формы публичности все больше захватывают внутреннее пространство личности, в то время как приватность для своего развития и утверждения требует перехода во внешние формы, т.е. в сферу публичности. В развитом обществе возникает запрос на оригинальную личность, на публичную приватность, не боящуюся публичности, но бросающую ей вызов; время канонов проходит, начинается смена ценностей, причем очевидно и встречное движение. Публичная сфера проявляет агрессивность, завоевывающая интересы, потребности, идеалы, носящие приватный характер, и диктует поведенческие паттерны, долженствующие символизировать свободное принятие внешних требований, тем более что уже сформированной личной ответственности свойственно внимание к проблемам социальной реальности, и очень часто — в форме игры в сознательное ограничение собственной свободы. Все это требует постоянного баланса между индивидуальностью и социальностью человека, а постоянное соблюдение баланса рождает неизбежную трансформацию идентичности личности в сторону ослабления позиций приватности.

Приватность предусматривает сочетание личной ответственности с социальной. Последняя заключается в следующем: публичная сфера имеет явную тенденцию к «мумифицированию», «омертвлению» собственных форм ради их сохранения. Приватная сфера свободна в своей субъективности, т.е. субъектна; это резерв живого, самодетельного публичного пространства. Концепт ответственности распространяется личностью на общество в целом или любую его сферу. Однако любые резервы, даже восполняемые, могут временно иссякать. Современная культура демонстрирует нам примечательное явление — позиционирование личности, т.е. явственное превращение приватного в публичное. В основном это происходит по причине обесценивания приватности. То что общество не смогло интегрировать в публичные формы, оно игнорирует. Если не явно магистральным путем технического развития является отчуждение человеческих функций и передача их техническим устройствам, значит, происходит некая, недемонстративная элиминация человека из сферы деятельности по преобразованию объективного мира. Последнее же представляет собой вообще сущность человека.

В то же время этот процесс сталкивается с процессом проникновения приватности в публичную сферу, граница с которой становится все прозрачнее; в публичном пространстве все большее место занимают «частные тайны и интимная жизнь» [Бауман 2008: 48], и это не что иное, как расширение свободы «я», отвержение приватности как самоизоляции и утверждение публичности приватности. В качестве примера можно сравнить изложенную позицию с теорией социальных ролей, ведь именно публичная сфера — «площадка для статусно-ролевого поведения людей» [Гофман 2000: 285]. Однако современная приватность в публичной сфере не нуждается в заранее написанной роли, в готовом театральном костюме — она может явиться нагишом или в невообразимом карнавальном костюме. В этих процессах противостояния личности и общества, приватного и публичного отдельные индивиды разобщены, мало где организованы в гражданское общество (или хотя бы в церковь), и сформировавшаяся приватность личности начинает сменяться деприватизацией, процессом значительно более глубоким, чем простое соперничество приватного и публичного. Процесс этот проходит медленно и в самых разнообразных формах. Так, возможны потеря приватной идентичности вследствие плано-

мерного сужения сферы непосредственной жизни человека, затем ущербность приватности и, наконец, «вымывание» такого приватного качества личности, как интимность. Можно сказать, что в ту эпоху, которую принято называть эпохой Постмодерна (а в наши дни предлагается также и термин «метамодернизм»), приватность поглощается публичностью, «постмодернисты сглаживали глубину средствами поверхности, а метамодернисты применяют глубину к поверхности» [Метамодернизм... 2019: 353].

Деприватизация личности начинается с маргинализации, с утраты очертаний социальной идентичности, а затем — и интимной идентичности, знаменуемой утратой личной внутренней ценности. И дело не в том, что все эти продукты собственного самоотчуждения можно выставить на продажу, а в том, что оно не нужно самому собственнику, никому не нужно и поэтому и не покупается. Отсюда проистекают два процесса: с одной стороны, публично-социальной сфере ничто не противопоставляется — лишь диффузная «масса» духа, следовательно, и публичные институты лишаются поля действия. С другой стороны, деприватизация личности — это еще не окончательная потеря собственного «я», которое сопротивляется как может, однако не в санкционированных обществом формах, а в тех случайных, что предоставляет быстро меняющаяся обыденная действительность. «Человек не хочет более молчать: всякое малейшее чувство, всякую новую шевельнувшуюся мысль он торопится высказать другим, разрисовать ее в красках, расцветить в звуках, непременно закрепить печатным станком» [Розанов 1990: 278]. Радикальные изменения, происшедшие в современную эпоху в области человеческого коммуницирования, его масштабах, технических средствах, скорости, изменяют и сложившиеся средства проникновения частного в публичное.

Личность, стремясь вновь обрести себя, применяет не привычные, адекватные средства (научный дискурс, религиозное чувство, лирика), а уродливые копии внешних образов публичности, которые служат единственной цели — созданию нового образа, постоянному обновлению ощущения собственного бытия. В частности, примером может быть увлечение «селфи» и демонстрация себя в социальных сетях (это я! я!). Тело человека — это стена для граффити или строительный материал для стандартной продукции пластической хирургии; лицо человека — материал для рекламы. Можно привести множество примеров деинтимизации, особенно в Интернете и телевидении, — это то, что когда-то называли просто бесстыдством, но сейчас это не бесстыдство, это попытка удержать ускользящее бытие, никому не нужную самость, ту самую приватность. Осмысленная и продуктивная деятельность сменяется карнавалом, перформансом, и все это — кривое зеркало социальной публичности, ее фиктивный противник, который не создает противодействия и поэтому не позволяет совершить действие, и огромные системы управления и организации информации в определенной мере тоже приобретают черты фиктивности, превращаются в игру, в ритуалы выражения лояльности.

Постановка вопроса о соотношении приватного и публичного, с одной стороны, потребовала четкого выявления, отграничения и определения обеих сфер, с другой — обнаружила все большее их взаимопроникновение. Мало того, можно сказать, что в прошлые эпохи явственно прослеживалась тенденция диктата публичности по отношению к приватности, стремление загнать приватное в рамки и либо вытеснить его в сферу неявного знания, неотрефлексированной ментальности, либо заставить его принимать формы, диктуемые публичностью, а точнее, публичной властью. В современности, видимо, все более проявляется обратный процесс: интимное, приватное вторгается в сферу публичности, частично разрушая ее, и в то же время меняя ее харак-

тер и утверждая ее в новых формах. Интимная жизнь духа оказывает влияние на каноны внешней жизни: так, разговорный язык (и сам постоянно обрастающий инвективной и жаргоном) вытесняет язык литературный, который заимствует черты и функции бюрократического языка, как бы становясь под защиту государственной публичности (дирижер симфонического оркестра меняет фрак на футболку; интимный, почти не осознаваемый и не принимаемый во внимание процесс ассоциаций превращается в схематичную ментальную карту). Примеров при желании можно найти множество, но в любом случае тенденция очевидна.

Процессы обесценивания личности, деинтимизации, деприватизации осуществляются во внешней по отношению к ним и противоположной форме – в сфере публичности. Большой социум, подчиняя малый социум, заставляет последний защищаться на территории противника, привнося и в большую социальную жизнь те удивительные феномены, которые создает сфера человеческой приватности. Сформировавшись, сфера человеческой жизненной приватности проявляет черты роста и развития и, встречая сопротивление со стороны публичной сферы, сохраняет себя даже путем редукции, даже путем выработки превращенных форм, даже превращая интимное в публичное, выворачивая себя наизнанку. Тем самым она проходит путь созревания и стремления занять в обществе значительно большее место, чем то, что было предоставлено ей историей. Это особый вопрос и очень обширная область изучения. Можно проследить в этих процессах вытесненный из сферы философского дискурса, но тем не менее реально существующий диалектический процесс соотношения в социуме приватного и публичного, индивидуального и общественного.

Список литературы

Арендт Х. 2000. *Vita activa, или о деятельной жизни*. СПб: Алетейя. 437 с.

Бауман З. 2008. *Текущая современность*. СПб: Питер. 240 с.

Гофман И. 2000. *Представление себя другим в повседневной жизни*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле. 302 с.

Метамодернизм. Историчность. Аффект и глубина после постмодернизма (под ред. Р. ван ден Аккера). 2019. М.: РИПОЛ-классик. 494 с.

Розанов В.В. 1990. *Несовместимые контрасты жития*. М.: Искусство. 605 с.

Сербин Д.С. 2016. *Конституционно гарантированное право на приватность*. М.: Принт Про. 193 с.

Смирнов С. 2002. *Приватность*. М.: Права человека. 93 с.

NASONOVA Lyudmila Ivanovna, Dr.Sci. (Philos.), Professor of Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (12 Vrubeleya St, Moscow, Russia, 125080; lynx.nasonova@yandex.ru)

EVOLUTION AND INTERPENETRATION OF PRIVACY AND PUBLICITY

Abstract. The main topic of the article is the consideration of privacy not as an exclusively legal one, but as a general social category, the content of which has many aspects, including the relationship with its own social opposition – publicity. This ratio is represented by the sphere where the evolution of both privacy and publicity occurs, which is manifested in a number of phenomena. The most important is the interpenetration of both hypostases of human existence, and their modern forms are of particular interest, against the background of changes in all spheres of social production due to the deep penetration

of information technologies into them. The latter, firstly, initiate radical changes in private, personal intentions, and secondly, give the activities of public management institutions a new nonlinear and probabilistic character.

Keywords: evolution of privacy, interrelation and interpenetration of private and public, deprivation

КОРНУТА Игорь Васильевич — магистрант кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (119991, Россия, г. Москва, ул. М. Пироговская, 1, стр. 1; i.v.kornuta@outlook.com)

ТИТУЛ КАК АТРИБУТ КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА ЕГО ОБНОВЛЕНИЯ

Аннотация. Автор статьи, анализируя титул как атрибут культурно-идеологической подсистемы общества, отражающий характер ценностей конкретной политической системы, приходит к выводу, что в условиях Постмодерна, когда в России и странах Запада утвердились нормы правового государства и гражданского общества, необходимо обновить сообразно этим нормам архаику титулов, противоречащих демократическим принципам XXI в.

Ключевые слова: титул, власть, политическая система, государство, государственность, политическая культура

Сегодня в политологии принято разделять такие понятия, как государство, представляющее собой основу институциональной подсистемы общества, и государственность, являющуюся структурным «элементом культурно-идеологической подсистемы» [Асонов 2018: 8]. Если признаками государства в первую очередь выступают политическая власть, право, население и территория, то государственность является свойством исторического развития страны, запечатленным в национальной системе ценностей, отраженным в официальной идеологии и символах, указывающих на специфику социально-политического устройства. Здесь роль символов играет не только набор знаковых атрибутов в виде герба, флага и гимна, но и комплекс титулов, демонстрирующих характер политической культуры данного государства. Но, как известно, «жизненные циклы у каждой политической культуры свои, и свой ресурс времени» [Асонов 2019б: 45]. Поэтому ее новое качественное изменение должно создавать новые знаки и титулы, отвечающие духу эпохи. Однако это не происходит.

Если мы обратимся к государственной геральдике европейских стран, то легко заметим ее несоответствие заявленным демократическим ценностям. Сходная ситуация наблюдается и в области титулатуры. В данном логическом ключе серьезное значение обретает вопрос об их качественном обновлении в циркуляции меняющейся терминологии, которая используется для управления, составления нормативных актов и экспертных оценок. Сегодня существует широкий комплекс политологических инструментов, позволяющих изменить устаревшие символы, пришедшие из прошлого по схеме «премодерн — модерн — постмодерн». В рамках этой триады, предложенной А.Г. Дугиным, был раскрыт весь спектр цивилизационных трансформаций в зависимости от ключевых изменений их идейной базы [Корнута, Кутузов 2017]. Изменения